

Игорь Андреев

Интернет как прелюдия информационной цивилизации

Куда ты мчишься, Русь,
Дай ответ? –
В Интернет!..

Андрей Вознесенский

Информатизация, наиболее значимым и знаковым средством и продуктом которой можно считать Интернет, буквально ворвалась в современный мир и резко изменила социально-экономические, интеллектуально-психологические и философско-мировоззренческие ориентиры человечества. На горизонте социума будущего появились неведомые прежде виды, формы и инструменты деятельности, феномены и приоритеты образа жизни, отличные от поведенческих и психологических стандартов и алгоритмов как традиционного, так и индустриального общества. В контексте социальной философии и философии истории, закона отрицания отрицания, а также взаимосвязи технологических достижений человечества с эволюцией психики и активизацией различных отделов головного мозга человека автор акцентирует внимание на роли Интернета как средства формирования информационного общества и экономики знаний, объективно ведущих к обострению социальных противоречий и спонтанному складыванию революционных ситуаций нового типа, когда «низы» не хотят, а «верхи» не могут жить и управлять на основе западноевропейских моделей рыночной экономики и парламентской демократии.

От кремниевого топора – к кремниевому чипу

На заре человечества кремниевый топор стал ключевым средством выживания наших палеолитических предков, предвестником интеллекта, культуры, цивилизации. Сегодня крохотный кремниевый чип совсем в духе гегелевского закона отрицания отрицания ознаменовал своего рода «возврат» на новой технологической основе к традициям сотрудничества и взаимопомощи, институтам непосредственной демократии и совместной хозяйственной деятельности (термин «экономика» – изобретение буржуазной эпохи), к экологическим и демографическим принципам единства человека и природы. При этом он вызвал сразу две революции в образе жизни и культуры, затронувшие не только информационно-компьютерную сферу, но и изменение условий жизнеобеспечения и общения, удобств и комфорта. Как же и почему это произошло?

Изначально первобытное присваивающее хозяйство было нацелено на элементарное выживание в условиях полустадного и полуживотного образа жизни. Земледелие и скотоводство, ремесло и торговля, ознаменовав переход от собирательства и охоты к производящему хозяйству, сыграли роль социально-экономического фундамента цивилизаций Древнего Востока, Античности и Средневековья. Символическими фигурами эпохи, открытой неолитической революцией в орудиях труда и средствах производства, формах культуры и управления, стали подневольные и эксплуатируемые народы, племена, общины, кланы, роды, артели, цехи, люди. Они использовали специальные инструменты и транспортные средства, орудия и оружие, силу человека и животных, природные свойства воды, ветра и солнца, биологию воспроизводства окультуренных растений и разведения прирученных представителей фауны. Раба называли «говорящим орудием», а крепостного «быдлом». Их уделом был тяжелый монотонный физический труд, связанный с концентрацией внимания на его предмете и пространственной характеристике бытия, с преимущественной загрузкой правого, психомоторного полушария головного мозга. Вместе с тем бурно развивались механика и химия, расширялся круг источников энергии, появились зачатки новых социальных и управленческих технологий, как производственно-хозяйственного (включая сферу отношений древневосточной, античной и феодальной соб-

ственности), так и властно регулирующего типа (государственно-правовые институты восточной деспотии и военной демократии, полиса и империи, клиентелы и абсолютизма)¹.

Ещё более масштабно преобразило мир изобретение паровой, механической, а затем и электрической машины. Инструмент, выступавший как своего рода продолжение рук мастера, стал её рабочим органом, а работник – живым придатком. Француз Жюльен Ламетри симптоматично назвал свою книгу «Человек – машина» (1747). В чреве нового типа жизнедеятельности и эксплуатации – порождения машинной индустрии – зрели отношения социального контракта и конкуренции. Труд из средства элементарного биологического выживания по мере возрастания роли интереса как социального фактора экономической эффективности превращался в работу с законодательной регламентацией длительности последней, права на ее выбор, оплату и отдых. Фокус сознания и ментальности отныне был ориентированным «на результат» и на его временные параметры, а психологическим фундаментом феномена работы стало словесно-речевое левое полушарие головного мозга (для правшей), абстрагирующее в удобном для инженерных и технических расчетов ракурсе предметы и связи окружающего мира. Для психологии индустриального человека стали характерными бизнес-доминанта или ориентация на выживание, либо их маргинальный синтез.

Компьютер вновь переворачивает ситуацию и психологический статус индивида, хотя поначалу его называют машиной, правда, электронно-вычислительной. Человек (теперь как обладатель интеллекта) в результате такого рода инверсии опять становится эпицентром хозяйственной деятельности и всех остальных сфер жизни социума. На смену механическому ритму бездушного конвейера, пронизывающему даже людей, пространственно отдаленных от него, находящихся в кабинетах и офисах, в научных лабораториях и на театральных подмостках, в дверь будущего общества всё более решительно стучится творческая деятельность. Она связана, прежде всего, с извлечением и применением информации, хранимой и преобразуемой в электронных системах, имитирующих некоторые стандартные, стереотипные, механические функции головного мозга. На заре кибернетики машина в качестве партнера человека в его отношениях с природой и другими людьми

отходит на второй план. Карл Штейнбух дал своей книге эпохи кибернетики знаковое название «Человек и автомат». Но компьютер лишен того, что является функцией правого полушария. Его потенциал креативности лимитирован отсутствием творческого вдохновения, высоких эмоций и вершинных чувств. Это обуславливает связь компьютерной эпохи с бурным всплеском экстравагантных искусств и литературных экзерсисов, экзотических массовых зрелищ и развлечений, экстремальных видов спорта и иных форм загрузки правого мозга. Антропологическое смысл этих тенденций ясен. Ведь каждый из нас – не только гражданин своей страны, но и представитель биологической популяции Homo Sapiens.

Чип и нейрон: компьютер оживает?

Поначалу информатизация опиралась на инерцию активности левого, «расчетливого» полушария, оперирующего чёткими понятиями. В этом – сила и ограниченность нынешнего компьютера. Он успешно «плодит» информационные массивы, всё более затрудняясь в поиске нужного в бесчисленных лабиринтах программ и файлов. К тому же всплыли, помимо электронного пиратства и изошрённого хакерства, чисто психологические издержки перегрузки левого полушария головного мозга: компьютерная зависимость и даже порождаемая ей «цифровая» шизофрения, игровой «алкоголизм», виртуальный секс и т. п. В результате бурно растущего отстранения человека от природного, естественного, перцептивного восприятия окружающего мира, произошла, если можно так выразиться, декартизация сознания. «Лодка» человеческого мозга резко накренилась на левый борт, подчас теряя плавучесть и рискуя пойти ко дну. «Левополушарной» науке понадобилась поддержка «правополушарного» искусства. Актуальным стало гармоничное взаимодействие полушарий, во многом определяющее человеческий потенциал эпохи и «населяющих» его сообществ.

Кстати, в самой информатике заметно обостряется соперничество чувственно воспринимаемых образов и абстрактных символов. Под нажимом успехов бионики, генетики и растущих затруднений в классификации неформализованных объектов с нечётко очерченными признаками, начинает вновь раскручивать-

ся ушедшая было в тень вторая ветвь компьютерной эволюции – квазибиологический нейрокомпьютинг с тенденцией прорыва в сторону дополнения неорганического чипа созданными живой природой информационными ресурсами клетки. Нынешний персональный компьютер представляет собой компактное электронно-вычислительное устройство, своего рода интеллектуальный инструмент, который служит для человека средством познания, развлечения и общения с избранной им динамичными кластерами и сегментами социальной среды. Ещё несколько десятилетий назад кипела дискуссия: может ли машина мыслить и не поразит ли она своего создателя – человека? Имитирующий некоторые свойства живых систем нейрокомпьютинг, функционально напоминая любознательного биологического робота, получает в дополнение к чиповому прототипу то, что в классической кибернетике носило название аналогового устройства.

«Символическая» функция компьютеров принципиально ориентирована на поиск, сбор, хранение и извлечение абстрактно-цифровой информации. «Образная» их ипостась, напротив, предполагает построение и вербально-графическое оформление информативных «портретов» исследуемых объектов, процессов, ситуаций, событий. Первая информационная система систематизирует (раскладывая по полочкам – файлам) информацию, используя двоичный код «да – нет». Она эндогенна, то есть, включается только при наличии внешнего оператора – программы, заданной извне. Вторая, напротив, настроена на самообучаемость, создание собственных ситуативных и целевых программ, претендующих на роль интеллектуальных штурманов в безбрежном и бездонном океане Интернета. Теперь он уже реально и зримо угрожает всемирным информационным потоком ненасытно любопытному человечеству. Ведь избыток информации, особенно абстрактно – цифровой затрудняет путь к истине (получению адекватного действительности и её будущим состояниям информационного результата) не меньше, чем её недостаток. К тому же этот информационный океан порой грозит свести для пользователя до уровня корыта растущая проблема ориентации в нём.

Словом, чиповый вычислительный компьютер типа познавательной супермашины открывает теоретически безграничные возможности получения декларативного, энциклопедического

знания, знаменуя вершину машинной виртуозности в сфере избавления человечества от рутинной, монотонной, отупляющей и изнуряющей работы. Компьютер, создаваемый по биологическому принципу, будет, подобно правому полушарию, «эмоционален» в смысле принципиальной способности оперировать с нечётко определёнными понятиями и вероятностными ситуациями, сможет осуществлять оценку систем и процессов путём имитации озарения творческой личности и интуиции опытного эксперта, которые, получая принципиально новый результат, обычно не могут и даже не пытаются выразить словами то, как это на них снизошло.

Нетрудно предположить, что обе ветви компьютеринга, неуклонно сближаясь, ведут к созданию мощного искусственного интеллектуально тандема (синтеза), который откроет неведомые пока перспективы (и соответственно новые проблемы) глобальной ноосферной информационной цивилизации, всё более настойчиво и энергично втискивающейся в дверь современности². Обе эти тенденции в настоящее время пытаются синтезировать разработчики человекоподобных роботов будущего, полагающие, что к 2050 году последние смогут сравниться с человеческим разумом по возможности восприятия реального мира, открывая перспективу сближения людей с кибермиром компьютеров. Корпорация INTEL **представила роботов, снабжённых основанными на моделировании органов чувств, имеющихся у рыб, датчиками электростатических полей, способных изучать окружающие предметы, не контактируя с ними напрямую.** Другой робот на основе использования новейших технологий программирования перемещений, манипулирования, восприятия и элементов искусственного интеллекта проявил способность распознавать не только лица людей, но также их жесты и фразы. И, наконец, уже создано устройство, фиксирующее мозговые импульсы своего хозяина, то есть, электрическую активность человеческого мозга и производящее обработку полученных данных в режиме реального времени, что позволит нейрокompьютеру в перспективе выполнять некоторые из тех действий конкретно-предметного характера, о которых пользователь только подумал. По близкому принципу созданы полицейские устройства, которые позволяют выявить в толпе неадекватно психологически напряжённых и эмоционально перевозбуждённых лиц, потенциально склонных к агрессивным проявлениям или криминальным, в том числе, террористическим, действиям.

Маркс ещё в то далёкое время прозорливо писал о грядущей смене машиноподобного труда – продукта индустриальной цивилизации – игрой интеллектуальных и физических сил, а также о кооперации интеллектов в эпоху, названную научно-технической революцией и эрой овеществляемого в интересах всего общества знания. Информатика открывает прежде недоступные человеку силы, предметы и закономерности окружающей и находящейся внутри него самой природы. Творческая деятельность, упорно прорастая в жизненную ткань современного бытия, незаметно, как бы исподволь подтачивает ещё недавно казавшиеся вечными господство индустрии вместе с порождёнными ею формами экономического неравенства, социального расслоения и политического антагонизма.

Становление цивилизации будущего имеет своей опорой «внутри человека» гармоничное взаимодействие обоих полушарий, всего головного мозга в целом. Константность и динамизм внешнего мира оказываются созвучными, резонансными, как бы симметричными тенденциям эволюции универсального и уникального биологического органа, каким является человеческий мозг. Как это отразится на взаимодействии человека и Интернета, пока не совсем ясно...

Вещество, энергия, информация

В нашу переломную *эпоху* человечество, начавшее свой путь в цивилизацию с преимущественного преобразования природного *вещества*, а затем сделавшее фундаментом своей деятельности получение и использование различных видов *энергии*, переходит на орбиту приоритетных операций с невещественной по своему содержанию и неэнергетической виртуальной *информацией*. Некогда вынужденный монотонный и изнуряющий *труд* эпохи неолитической цивилизации в пору становления индустриальной эры стал вытесняться институционально фиксированной и специализированной *работой*, оставляющей человеку некоторый досуг и выбор. Ныне труд и работу всё более явно теснит *творчество* как креативная деятельность, опирающаяся на использование накопленной человечеством интеллектуальной и эмоциональной

информации, её специфическую переработку, а также на фантазию и интуицию индивидуального сознания. Естественно, всё это вовсе не означает существования информации в «голом» виде, вне вещественного оформления и энергетического обеспечения. Принципиально меняется лишь удельный вес данных видов «природного сырья» и социальных форм его «переработки» в структуре человеческой деятельности. В частности, глобальные стадии всемирного цивилизационного процесса, связанные с последовательным переносом акцента человеческой жизнедеятельности на преобразование *вещества*, затем *энергии* и, наконец, *информации*, коррелируют с активностью различных структур головного мозга, способных адекватно организовать ответы на вызовы природной и социальной среды конкретной эпохи³.

Так, на стадии присваивающего хозяйства эпохи мезолита и перехода человечества к неолитической революции (VIII–III тысячелетия до н. э.), **ознаменовавшейся становлением земледелия, скотоводства, ремесла и торговли** и открывшей многовековую эпоху эксплуатации и угнетения человеком человека, в недрах которой вызревали предпосылки машинного производства и буржуазного общественного строя, основным средством труда был *инструмент*, управление которым предполагало индивидуальную психологическую ориентацию деятельности подавляющего большинства населения преимущественно «на процесс» и концентрации внимания раба или крепостного общинника главным образом на узком сенсорном поле непосредственного природного окружения. Соответственно, основная психоэмоциональная нагрузка человека ложилась на правое полушарие головного мозга и эволюционно сопряженную с ним лимбическую систему, сформировавшуюся в процессе эволюции на уровне млекопитающих.

Промышленное производство опиралось, помимо всего прочего, на использование *машины*, представляющей собой модифицированный инструмент с двигателем, требующим искусственного источника энергии (вначале силы пара, затем электричества). Психологическая ориентация работы по обслуживанию машины смещалась «на результат», а её психофизиологическим фундаментом становились левое вербальное (у правой) полушарие неокортекса и биологический автоматизм, связанный с ретикулярной

формацией головного мозга, эволюционно принадлежащей хладнокровным рептилиям. Эмоции были потеснены сухим интеллектом и волевой концентрацией внимания, в том числе на сферу отношений с окружающими людьми.

Постиндустриальная эпоха компьютера и Интернета развертывается на почве инерции лидерства левого полушария – интеллектуального (картезианского) полюса индивидуального сознания. Выдвигающаяся в центр креативной деятельности информация становится всё более виртуальной, оторванной от непосредственного чувственного восприятия, а потому на помощь абстрактным, строго логически выстроенным рассуждениям приходит эмоционально окрашенное творчество, опирающееся на фантазию, и образы, рождаемые правым полушарием головного мозга и его эволюционной предтечей – лимбической системой. Центр тяжести психологических процессов переносится на выстраивание гармонических отношений индивида с самим собой.

С выходом информатики на авансцену человеческого бытия интеллектуальная собственность, авторское право, творческий потенциал человека все заметнее теснят прежде определяющее значение недвижимости, индустриальных средств производства, земли и ее недр, источников минерального сырья и энергоресурсов. Поэтому явная недооценка интеллектуальной деятельности и её идеальных (виртуальных) продуктов тесно связана с инерцией применения к ней по аналогии вещного римского права и имущественных норм кодекса Наполеона. Но далеко не все сегодня понимают, что созидательной силой Истории всё более явно выступают не только экономика, доставшаяся нам от индустриального конвейера, но и психология творческого осмысления мира. Не столько неизвестно каким путем полученные деньги, сколько продуктивные идеи, рожденные игрой воображения в море информации. Не безалаберная и бездарная растрата отечественных недр, но развитие национального интеллекта. Не материальное богатство и престижное сверхпотребление, а идеальное знание как адекватное отражение действительности в виртуальных образах, создаваемых и преобразуемых сознанием человека с помощью информационно-компьютерных устройств, а также соотнесение стандартов образа жизни с тающими ресурсами природы и конкурентными интересами других людей.

В сравнении с веществом и энергией интеллект и информация обладают целым рядом удивительных свойств и преимуществ. Их использование и применение основанных на них технологий ноу-хау не означает уменьшения и растраты исходного научного «сырья». Популярный пример из литературы – антитеза знания и времени. Профессор на лекции передает студентам знания, а одному из них вручает свои часы. При этом он продолжает пользоваться собственными знаниями, чего нельзя сказать об отсутствующих у него часах. Интеллект неисчерпаем, как сама природа. Идеи и информация сами по себе ничего не весят. Для них не нужны вагоны, контейнеры, трубопроводы, портовые краны, грузчики. Более того, лучшие из них не изнашиваются, становятся «вечными». Технические устройства новейших поколений весьма компактны по сравнению с индустриальными аналогами, если таковые вообще имеются. Однако эти факторы в нашей экономической теории и практике хозяйственного планирования до сих пор выступают как вторичные и второстепенные.

Интернет впервые явно, реально и виртуально, объединил вещественно-энергетические аспекты бытия с когнитивными и эмоциональными сторонами человеческой психики. То, что раньше выступало как виртуальная противоположность материи и сознания, здесь смотрится синтезом «железа и кремния» с интеллектуальными наработками и программным обеспечением оптимального функционирования Сети.

Интернет тесно связан с правом и юриспруденцией прежде всего в контексте несвойственного прежним этапам истории акцентирования всё возрастающей роли в жизни человека и человечества интеллектуальной (духовной) деятельности и её продуктов. Они всё чаще выступают предметом интеллектуальной собственности, причем, не только на программные и технологические средства, используемые или транслируемые через Интернет, но и на всё более расширяющийся круг предметов человеческой деятельности. Интеллектуальная собственность предполагает право её создателей на распоряжение, владение и пользование авторизованными творениями человеческого мозга, которые могут тиражироваться на весь мир и «возмездно» передаваться другим лицам и организациям. Это резко актуализирует роль и значение в жизни общества авторского права и патентного зако-

нодательства, прежде находившихся на периферии классического вещного права. Электронная кодификация принципов и норм международного права и национального законодательства выступают надежной опорой бизнеса в виде интернет-консалтинга, интернет-переговоров, интернет-экспертиз, включая разработанную в Институте философии РАН концепцию комплексной гуманитарной и биоэтической экспертизы под углом зрения места и роли человеческого потенциала в различного рода социальных программах и инновационных проектах⁴.

Сетевое общество и информационная экономика знаний

Человечество вступает в полосу новой дифференциации. Некоторая часть населения (в основном старших возрастных групп) не имеет возможности (а часто и желания) приобрести компьютер и вообще иметь с ним дело. Другую часть составляют пользователи, для которых персональный компьютер – некий синтез забывенной пишущей машинки и, в лучшем случае, ещё и телевизора. В качестве движущей силы экономики знаний ветераны промышленной эпохи – синие комбинезоны и организаторы конвейерного производства – белые воротнички уступают место золотым свитерам – молодым компьютерщикам и программистам, мысленно разгуливающим, подобно любознательным туристам, по необъятным просторам виртуальных миров. В 1970 г. известный географ и писатель-фантаст И.М.Забелин, высказал почти крамольную для того времени мысль о том, что в условиях научно-технической революции роль рабочего класса как авангарда социального прогресса возьмёт на себя интеллигенция, ибо «интеллектуальная индустрия превращает интеллигенцию в тот единственный класс, которому принадлежит будущее»⁵. Похоже, это предположение в какоё-то мере сбывается.

Телевидение, мобильная связь и компьютер обозначили технологический и моральный износ не только системы регулирования индустриального производства, но и острый кризис порождённых им экономических, социальных и политических (властных и собственнических) отношений (институтов). На смену Гуттенберговой Галактике как доминанты информационных потоков и комму-

никативных отношений индустриального общества пришла поглотившая её Всемирная Паутина, радикально изменившая основные тенденции и регуляторы социальной жизни. Первым тенденцию дистанцирования друг от друга носителя и сообщения, *информации* как совокупности сведений и *коммуникации* как средства общения выявил Маршалл Макклюэн, рассматривавший электронную систему по аналогии с центральной нервной системой человека⁶.

Совершающийся на наших глазах процесс перехода от очаговой индустрии к хозяйственной системе, опирающейся на глобальную компьютерную Сеть, вызвал мощные, поистине тектонические сдвиги в мировых социальных, экономических, политических и психологических отношениях. Когда-то для многих миллионов людей и целых поколений внедрение инструмента и машины означали трагическое крушение привычного образа жизни, разгул насилия, разбоя и рабства, личной зависимости и эксплуатации, безработицы и обнищания, отчаяния и слепого протеста, потерю жизненных ориентиров и отвращение ко всякому труду, люмпенизацию и пауперизацию. Не проходит безболезненно современное наступление информатики и появление рядом с синими и белыми золотых «воротничков».

Не исключено, что вулканический всплеск всемирного терроризма и целого спектра патологических зависимостей, подспудно связан с панической растерянностью человека толпы перед всемогущей и вместе с тем чувственно не воспринимаемой (подобно земной гравитации и естественной радиации) виртуальностью нового миропорядка и не подготовленными естественной эволюцией психики темпами информационно-интернетовского наваждения. Грядет новая дифференциация общества, так называемый «цифровой раскол», поначалу отделяющий пользователей Интернета, и особенно программистов, от людей только книжной грамотности, дающая в перспективе приоритетные социальные преимущества ученым и компьютерщикам на фоне падения психологического престижа и самой надобности во многих «ручных» профессиях, дефицитных в индустриальную эпоху.

Шведские исследователи А.Бард и Я.Зодерквист в своей книге «Netократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма»⁷ полагают, что становление информационного « сетевого общества» (М.Кастельс⁸) и виртуального «коммуникативного общества»

(Ю.Хабермас⁹) создают не только информационную экономику знаний, но и новую бинарную оппозицию её ключевых действующих лиц. Это предполагает становление новой интересубъективности в пространстве сетевых структур. Привилегированным господствующим классом информационной эпохи, своего рода «сетевой элитой», становится активная, образованная, динамичная, интенсивно использующая Интернет и иные интеллектуально-компьютерные технологии как средство общения и создания социальных связей, так называемая, *нетократия*. В бурно меняющемся мире её успешные представители, в отличие от сформировавшегося в XVII в. несгибаемого картезианского человека вроде стойкого оловянного солдатика Андерсона, стремящегося в любых условиях сохранить свою заранее заданную идентичность, ориентированы на многократную смену амплуа в контексте постоянных и нередко импульсивных изменений окружающей социальной и природной среды. Для адекватного определения нетократа шведские теоретики используют понятие *дивид* (в отличие от индивида), а способность нетократа иметь одновременно множество лиц и нескончаемая череда мест пребывания сближает его с шизоидом, вследствие чего традиционный для буржуа фрейдовский психоанализ заменяет *шизоанализ*. Оба термина нетократического новояза авторы откровенно заимствовали у Жюль Делёза.

В силу неодолимых тенденций всемирной истории, нетократия постепенно, но неуклонно вытесняет на периферию социума и за его пределы «постбуржуазия» постиндустриального общества, которая, несмотря на интенсивное использование информационно-компьютерных технологий, в принципе мало отличается по мотивации экономического поведения от своих генетических предков, фундаментально исследованных Карлом Марксом. Зеркально повторяется ситуация, когда на заре капитализма восходящая на арену социальной жизни молодая и дерзкая буржуазия свергала с властного пьедестала знатную и опытную, но исчерпавшую свой прогрессивный потенциал развития родовую и придворную аристократию. В данной связи ряд авторов используют применительно к эпохе компьютера и Интернета понятие интеллектуального капитала¹⁰. Однако это синтетический термин логически, психологически, лексически и исторически тесно в сознании связано с уходящей буржуазной цивилизацией. Представляется более адек-

ватным понятие интеллектуальной ренты, ибо различные виды ренты характерны для хозяйственных систем всех «этажей» всемирной истории¹¹.

А.Бард и Я.Зодерквист исследуют постиндустриальное общество как неизбежное и вместе с тем неизбежно временное «сожительство» информационных и буржуазных социальных «миров». Шведские авторы видят психологическое и поведенческое отличие нетократа от типичного буржуа прежде всего в мотивации деятельности. Цель первого – достижение доминирующей позиции в социальных сетях и создание временных проектов; второго характеризует навязчивое стремление стать богатым: удачливым бизнесменом, создавшим свою компанию, приносящую надёжную прибыль, или политиком, материально связанным с бизнесом и/или теньвыми структурами.

Социальным антиподом нетократии, низшим классом «цифрового общества», по мнению шведских философов, выступает *косумптариат* – своего рода потребительский пролетариат. Он представляет собой массу интеллектуально деградирующих пассивных участников цепочек потребления по типу римского плебса, ведущих растительный образ жизни (поэтому на Западе их называют «диванными картофелинами»). Речь идёт о людях, как правило, не имеющих своей семьи, привычно лежащих на диване у телевизора, регулярно принимающих алкоголь, из Интернета предпочитающих стрелялки, порно и киберсекс, и вполне удовлетворяющих свои убогие социальные и культурные притязания наличием достаточного количества «хлеба и зрелищ». Скромное финансовое содержание этого инертного социального балласта создатели концепции нетократии оправдывают необходимостью и целесообразностью откупа власть придержащих от уличной преступности, протестных движений и революций со стороны инертного и вместе с тем порой непредсказуемо агрессивного плебса путём обеспечения беднейших слоёв бесплатным медицинским обслуживанием и элементарным образованием, а также поддержкой и обновлением общественной инфраструктуры, в том числе электронной.

Косумптариат отличается от промышленного пролетариата, бинарно связанного вековым противоречивым альянсом с буржуазией, тем, что он «выпал» из производственной сферы жизни, окончательно переключившись в свою потребительскую ипо-

стась. Представление о массового механизме рекрутирования косумптариата из рядов работающего пролетариата даёт конфликт Маргарет Тэтчер с горняками ставших убыточными угольных шахт. Длившаяся год и два дня забастовка шахтёров не смогла сломить упорство «железной леди», и они сдались. Части из них государство помогло получить новую профессию, главным образом в сфере обслуживания, где они стали торговыми работниками или конторскими клерками, остальные удовлетворились неплохой преждевременной пенсией. Косумптариями становятся в общем случае пауперы и люмпены, получающие пособие по безработице и не желающие утруждать себя поисками достойной работы. Жиль Делёз, предвидя появление таких людей, предложил называть тех, у кого уже атрофировалась сама потребность трудиться, *постпролетариатом*. Вместе с тем шведские социологи исключают из числа косумптариев подавляющее большинство гастарбайтеров окраин крупных европейских городов, ибо часто это – молодые энергичные люди, готовые активно бороться за место под социальным солнцем и цепко адаптироваться к условиям и требованиям новой цивилизации. Это скорее – *предпролетариат*, в том числе, аграрного, умственного и конторского труда, как его понимал яркий алжирский революционер и теоретик, врач-психиатр Франц Фанон¹².

Интернет и человек

Неудивительно, что появление Интернета оценивается порой прямо противоположным образом. Одни видят в нем реальное деяние и промысел Божий либо виртуальные изыски Верховного Разума, то есть приписывают ему роль Бога, который выведет род людской из тех тупиков эволюции, в которые оно забрело по неведению, честолюбию и гордыни. Другие, включая известного эзотерика Даниила Андреева, со слов его вдовы, считают Интернет остроумным, привлекательным и завлекательным, но все-таки дьявольским порождением и наваждением, в конечном счете, угрожающим человечеству неведомыми прежде бедами. Высказывалось также опасение, что весь мир свихнется на Интернете, сбежит в виртуальное пространство, и планета опустеет, ибо все

её население «прилипнет» к компьютерам. Вспомните: в середине XX в. противники телевидения уверяли, что неотвратимая телемания погубит цивилизацию. Ещё раньше, на заре автостроения, скептики предсказывали почти неизбежную гибель человечества под колесами лимузинов и тем более грузовиков. Элементы подобного гипертрофирования фатальной злокозненности Интернета сегодня прочно «сидят» в сознании части современников, тем более что в воронку интернетовского аутизма поначалу попадает 15–20 % пользователей. И далеко не все они благополучно из нее выбираются. В Китае по данным 2011 г. из 1.334 млн жителей 457 млн пользуются Интернетом. Из них порядка 30 млн поражены патологической интернет-зависимостью. Они могут проводить за компьютером до 18 часов в сутки. Появились скандалы и даже разводы из-за бесконечных электронных туров в другие измерения и коварных виртуальных «измен»¹³. Недаром, психологи и психиатры спешно разрабатывают специальные меры антиинтернетовского противоядия, пытаясь превентивно смягчить опасность возможной деформации и даже ломки структуры личности от притягательно-магического воздействия вездесущего Интернета.

Вместе с тем, безоговорочно видеть в Интернете знаковый символ свободы мешает весьма распространенное отождествление последней с анархизмом и хаосом в результате низкого уровня массовой киберкультуры: упрощенный доступ к Сети часто опережает формирование у пользователей и, особенно у юных программистов, интеллигентной этики интернет-поведения и интернет-общения. Кроме того, технологическая возможность произвольного и порой бесцельного кочевания по необозримым просторам интернет-пространства отнюдь не синоним абсолютной свободы, хотя бы в силу зависимости от специфического различия условий тех «регионов», куда заводит интернет-номада его компьютерный верблюд. Кукловод волею судеб, сам того подчас не замечая, вполне может оказаться игрушкой ведомой им куклы. Подобная инверсия ролей и статусов Интернета и пользователя отнюдь не всегда остается безобидным курьезом. Ведь соединения компьютера и его лоцманские функции навигации в Сети выполняют отнюдь не руки, лежащие на клавиатуре, а руководящий ими мозг человека. Отсутствие должной интернет-культуры может загнать его в глубокую пещеру аутизма или сделать заядлым

интернетголиком, вплоть до компьютерной шизофрении. Впрочем, некоторые психиатры и психологи возлагают на Интернет определенные надежды, имея в виду психически неустойчивых лиц со склонностью к агрессивным проявлениям. Возможно, есть надежда, что некоторые из них смогут удовлетворить свои антисоциальные потенции и амбиции, находясь в виртуальном пространстве, снимая тем самым стресс и тревожность, получая относительно безобидную сублимацию комплексов агрессии и/или мании преследования. Впрочем, тотальная компьютеризация может создавать для индивида иллюзорную свободу, своего рода эффект золотой рыбки в прозрачном аквариуме, то есть, ставить личность под контроль Системы, считывающей её передвижения, покупки, контакты и становящейся тем самым региональным или даже всемирным интернет-полицейским. При определенном уровне незащищенности общества высока опасность создания электронной пирамиды власти, против которой будут бессильны и мощный совокупный общественный интеллект, и достаточный уровень материальной культуры. Немало авторов видят в роли интернет-деспота саморазвивающийся искусственный Разум, в перспективе способный, согласно данному сценарию, со временем запросто поработить человечество, или вообще предлагают рассматривать земную цивилизацию как запрограммированную Свыше реальную виртуальность. При этом из виду упускается одна принципиальная в методологическом плане «мелочь»: человек может мыслить, опираясь на интуицию и творческие озарения, а компьютер и Интернет при наилучшем программном обеспечении способны лишь искать, находить и комбинировать информацию, заложенную в Сеть, но лишены сознательного, целенаправленного креативного потенциала, сравнимого с человеческим мозгом и историей цивилизации.

Люди интуитивно чувствуют психическую нагрузку, которую несёт с собой Интернет. С появлением компьютера в наиболее благополучных странах Запада отмечен феномен своего рода «бегства от будущего», навязчивое стремление части интеллектуалов спрятать голову в песок прошлого, чтобы сохранить даже ценой социальной мумификации свою индивидуальность и роскошь непосредственного человеческого общения в пику во многом деперсонализованному компьютерному «раю» и рискующей сме-

сти реальную неповторимость личности лавине искусственных (виртуальных) контактов по Интернету. Рядом с фантастикой, компьютерной графикой и сюжетами звездных войн вновь обретают популярность исторические хроники и мемуары. Становятся модными туристические экскурсии в прошлое. Неожиданно выявилось скромное обаяние палеолита. Всё более распространенной психологической отдушиной становятся «санатории», имитирующие естественную жизнь первобытной общины без денег, без налогов, без нескончаемой гонки за прибылью, без комфорта и информационно-интернетовского натиска современной цивилизации. Артур Кларк предпочел на закате компенсации информатизации, захлестывающей современный мир.

Как всякая область, имеющая отношение к социальным процессам, Интернет требует соблюдения порою жестких этических принципов и правовых норм со стороны всех пользователей и адресатов. Эта проблема становится актуальной. Первый звонок прозвенел: уже совершено убийство по Интернету. Больному, находящемуся в реанимации, вторгнувшись в госпитальный компьютер, отключили системы жизнеобеспечения. В другом случае на компьютер жертвы была передана такая специально подобранная комбинация цветов и геометрических образов, что у человека произошла остановка сердца, и он погиб буквально на глазах своих коллег, находившихся в том же помещении. Так что проблема криминала принимает в эпоху Интернета новые формы, а потому на повестке дня стоит разработка стратегии правовой защиты не только программного обеспечения и иных интеллектуальных продуктов, но и самого социума, включая жизнь и здоровье людей. Более того, в странах Тропической Африки отмечен феномен внедрения Интернета в структуру тайных ритуальных обществ¹⁴. Третья Волна (по Элвину Тоффлеру) накрывает Первую и сливается с ней, создавая негативную опасность зловещего криминального цунами.

Тем не менее, интернетика в виде интернет-педагогики и интернет-дидактики, наряду с информатикой, со временем станет не только методологической основой дистанционного образования и просвещения, но и специальным предметом преподавания (не только электронного, но и книжно-разговорного) в самых различных учебных заведениях и курсах для желающих приобщиться

к Интернету. Без его практического освоения скоро трудно будет оставаться активным и полноценным членом формирующегося гражданского общества¹⁵.

Первым технологическим прообразом Интернета можно считать созданную американскими военными в годы холодной войны «связку» из нескольких дублирующих друг друга компьютеров, расположенных в разных местах, с целью избежать полной потери управления войсками и акцией возмездия в случае атомного удара со стороны СССР. Детище Пентагона было задумано децентрализованной и антииерархической структурой. Французские философы Жиль Делёз и Феликс Гваттари, пожалуй, первыми акцентировали внимание на том, что Сеть является открытой, принципиально незаконченной, неиерархической, динамически развивающейся, делокализованной информационной системой, где существенными являются не узлы связи, а линии соединения. Благодаря невозможности блокады, изоляции и цензуры Интернет стал, по их оценке, «детерриторизованной зоной свободы», принципиально неподконтрольной и превентивно оппозиционной любым проявлениям силового воздействия, в том числе со стороны диктаторских поползновений властей и иных сильных мира сего¹⁶.

Интернет открывает властным структурам, монополиям и банкам возможность, изощрённо манипулируя информацией, мощно влиять на сознание людей и тем самым на эволюцию общества в заданном «верхами» направлении, вплоть до своего рода геббельсианы – массового нейролингвистического программирования и агрессивно-назойливой рекламы чуждых сложившемуся национальному менталитету моделей поведения «вчерашнего дня» мировой истории. Одновременно уникальные возможности Интернета могут эффективно перехватывать идеологи «низов» и организаторы протестных акций загнанных в тупик нищеты и бесправия народных масс. Кроме того, Всемирная Паутина может служить средством социальной критики «верхов», политических разоблачений, агитации, пропаганды. Именно в Интернете нередко становятся прозрачными секретные материалы государственных чиновников и спецслужб. Это дает повод ряду аналитиков считать Сеть опорой демократии будущего, специфической информационной «пятой властью», что убедительно показал всемирный скандал, инициированный Викиликс.

Обострение мирового противостояния по линии Запад – Восток находит отражение в сюжетах, транслируемых различными СМИ, включая в первую очередь, Интернет. Борьба идей и выражение противоположных политических интересов перемещаются в виртуальную сферу, не теряя налёта экзотичности и художественности. В частности, в современной политической риторике Запада нередко встречается обращение к аналогиям с Римской империей в зените ее мощи и славы, тем более что Единая Европа сложилась в основном в контурах её границ. Императоры Нерон, Тиберий и римский наместник в Иудее Понтий Пилат героизируются также в устах теоретиков внешней политики США. Их антитезой в тех же СМИ выступают порой апокалипсические сценарии будущего в виде мусульманских всадников на верблюдах, картинно гарцующих на фоне рейхстага или собора Святого Петра с намёком на аналогию с древними германцами, покорившими «вечный город» Рим и разрушившими созданную им империю. Такие красочные пассажи Интернет разносит по всему миру, но они хороши лишь как метафорическое предупреждение чрезмерным амбициям верхушки золотого миллиарда и монстрам валютно-финансовой паразитивилизации (выражение А.И.Неклессы) с их некритическими претензиями на экологический и демографический паразитизм в планетарном масштабе.

Опять вспоминаются замечания Маркса о возрастающей роли науки, техники и технологий, о грядущей кооперации интеллектуальных сил человечества, о превращении овеществленной силы знания в главную составляющую всемирного хозяйства, о трансформации рутинного подневольного труда и регулируемой контрактом работы в творческий процесс, которые легли в основу его концепции научно-технической революции, призванной сменить машинное общество той эпохи. Информатизация и Интернет обещают взять на себя именно эту социальную роль, одновременно создавая серьёзную угрозу мешающему рыночному и банковскому неокapитализму Западной Европы и Северной Америки, вынесенному в страны с преобладанием традиционного менталитета под флагом «догоняющего» развития¹⁷.

Мир, благодаря информационно-компьютерной революции, эпицентром которой стал Интернет, оказался на рубеже кардинально различных цивилизаций. Между ними – разлом, бездна, пропасть, которую нельзя преодолеть в два прыжка. Прошлое об-

рушивает на наши головы нарастающий ком проблем. Справиться с ними известными методами у нас не хватает ни времени, ни сил, ни средств. Ситуация требует мировоззренческого, точнее – философского осмысления. Упорно навязываемая странам с переходной экономикой, в том числе входящих в четырёх континентальный БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), стратегия «догоняющего» развития в условиях острой экономической и политической конкуренции заведомо обречена на неуспех и добровольную консервацию отставания. Взятые сегодня за основу вчерашние ориентиры могут завтра привести... только в позавчера. Зачем же, рискуя сорваться под колеса, пытаться вскочить на подножку последнего вагона, коли разогнавшийся поезд индустриальной цивилизации мчится в исторический тупик?

**Перегнать, не догоняя: ориентация «на вчера»
приводит... «в позавчера»!**

В 60–80-х гг. XX в. автор посвятил ряд своих работ проблеме социальных сдвигов в странах Африки с акцентом на принципиальную несовместимость традиционных на континенте общинных и родо-племенных структур институтам власти и собственности, привносимых западноевропейским капитализмом, перешедшим от сверхэксплуатации собственных сограждан к беззастенчиво-разбойной эксплуатации ранее колониальных народов¹⁸. Но тогда стихийные вспышки недовольства носили в основном локализованный и разрозненный характер, в связи с общинной автаркией, массовой неграмотностью, племенной раздробленностью населения. Ситуация коренным образом изменилась с проникновением на, казалось бы, застывший в панцире своих традиций Восток интернационального, по сути своей, Интернета. Именно он сыграл роль мощного виртуального катализатора реальных протестных движений, изначально инициированных студенческой молодёжью и люмпен-интеллигенцией и охвативших на рубеже второй декады XXI в. страны Северной Африки и Ближнего Востока.

Вспыхнувшие, будто пожар в саванне, протестные движения рубежа 2010–2011 гг. в Тунисе, Египте, Ливии и других странах Ближнего Востока западные СМИ окрестили twitter- и facebook –

революциями, поскольку основная масса призывов к свержению власти передавалась посредством социальных сетей. В Египте правительство пыталось, хотя и мало успешно, заблокировать Интернет-общение на территории страны. Обострённые чуждыми традиционному сознанию капиталистическими отношениями чудовищная коррупция, кумовство, безработица, многолетнее правление одного лидера грозят повторением в Узбекистане египетского сценария, а потому власти стремятся превентивно жёстко контролировать в сетях Интернета массовые рассылки с подозрительным содержанием и обязывают операторов отключать сети по первому требованию правительства¹⁹. Руководство Китая срочно отменило налоги для 100 млн наиболее бедных граждан, а также впервые в новой пятилетке акцент развития производства делается не на абстрактное, мало понятное населению росту ВВП, а на повышение благосостояния народа. Параллельно государство усиливает контроль за деятельностью операторов Интернет – сетей.

Между тем, всё большее число стран с переходной экономикой, эффективно используя, благодаря современным информационно – коммуникативным технологиям, ресурсы мировой науки, встаёт на путь резкого (в разы и даже в десятки тысяч раз) увеличение расходов на развитие национального интеллекта, образования и теоретических исследований. В XXI в. в этом особенно преуспели Турция, Иран, Малайзия, Катар и ряд других государств. Громадную роль в этом сыграл Интернет. В Иране число пользователей Сети выросло за 10 лет с 260 тыс. до 33,9 млн, в Тунисе – со 100 тыс. до 3,8 млн человек. Кстати, экс-президент Бен Али немало сделал, внедряя самые современные технологии восстановительной медицины, чтобы эффективнее использовать уникальные курортно-климатические ресурсы страны. Уместно напомнить, что уличный торговец, совершивший публичное самосожжение, после которого в Тунисе начались протестные акции, приведшие к смене власти, имел университетский диплом, но не смог найти адекватной работы.

В панарабских революциях 2011 г. причудливо, с точки зрения стереотипов европейского сознания, переплелись интеллектуальные, информационные и коммуникационные возможности Интернета и мощное экзальтированно-эмоциональное воздействие самой молодой из мировых религий – ислама обеспечили прак-

тически мгновенную, поголовную (всенародную) мобилизацию протестного электората, хотя мужчины и женщины синхронно манифестировали на территориально разных площадках. Необходимо отметить также массовую готовность идти на заградительный огонь сил правопорядка, ибо, согласно Корану, статус мученика за веру даёт надежду на счастливую жизнь в раю.

В этом особенно отчётливо проявился специфический арабский вариант инверсии понятий «структура» и «власть», сформулированной М.Кастельсом. В условиях сложившейся в третьем мире, во многом благодаря распространению виртуального Интернета, межцивилизационной и межкультурной (по С.Хантингтону) реальной революционной ситуации власть коммуникативно-информационной структуры становится сильнее заскорузлой колониально-индустриальной структуры государственной, политической и экономической власти местных правителей и их камарильи.

Элвин Тоффлер, представляя будущее человечества, как напоминающий гегелевский закон отрицания отрицания возврат к доиндустриальной цивилизации на новой технологической базе, приходит к выводу, что по многим признакам информационная цивилизация Третьей волны несёт в себе черты сходства с Первой волной (аграрно-общинные социумы): «Самое удивительное, что цивилизации Первой и Третьей волн более сходны между собой, чем с цивилизацией Второй волны. Иными словами, они кажутся родственными»²⁰. Причём, практическая и конституционная реализация этого родства без революций и насилия удачно осуществлена в самом центре благополучной Европы. Речь идёт об «уникальном сочетании зависимости от представителей с возможностью представлять себя самим, которое Э.Тоффлер называет полупрямой демократией – чертой цивилизации Третьей Волны, по сути дела, уже реализованном в (закреплённом Конституцией 2000 г. – *И.А.*) общинно – кантонально – конфедеративном устройстве швейцарского государства», которому в этом году исполняется 720 лет, прошедших без острых социальных протестов и международных конфликтов, без войн и революций²¹.

Интернет – глобальный феномен и планетарное достояние всего человечества, подлинные масштабы влияния которого на всемирную историю сегодня довольно трудно оценить. Разумеется,

он привнесёт в социум и в жизнь конкретных людей ещё немало фундаментальных инноваций и, порой, неожиданных сюрпризов самого различного свойства. Но такого рода умозрительные прогнозы – предмет специального фундаментального исследования.

Примечания

- ¹ *Андреев И.Л.* «Философия истории» Гегеля: к вопросу о генезисе социально-го расчленения // Философия Гегеля и современность. М., 1973. С. 208–224; *Он же.* Тенденции и стадии генезиса эксплуатации. Доклад на IX всемирный конгресс антропологических и этнографических наук. М.–Чикаго, 1973; *I.L.Andreev, D.D.Tumarkin.* Traditional Communal Structures and Some Problems of Socio-Economic Development of Pacific Islands Peoples // XIII th Pacific Sciens Congress. Vancouver, 1975 // *Moscou, Наука, 1975.* **К.Маркс не употреблял понятия «неолитическая революция»**, введённое в научный оборот в 1935 году австралийским археологом Гордоном Чайлдом. Но в набросках ответа на письмо Вере Засулич в 1881 году Маркс назвал вторичной формацией в смысле прелюдии к появлению капитализма «ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 419). Их сближало между собой наличие общинных социальных связей в среде привилегированного (эксплуататорского) класса (в первом случае) либо угнетаемых и эксплуатируемых (во втором). *Бородай Ю.М., Келле В.Ж., Плимак Е.Г.* Наследие К.Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации. М., 1974; *Андреев И.Л.* Рукописная страница истории марксизма (Проблема общины и рода в рукописях К.Маркса 70–80-х гг.). М., **О методологическом значении изучения феномена неолитической революции в современной науке см.:** Вестн. РАН. 2011. № 1. С. 48.
- ² *Андреев И.Л.* Россия: взгляд из Будущего // Вестн. РАН. 2003. № 7, а также: *Андреев И.Л., Никитенко П.Г.* Россия и Беларусь: аспекты современной геополитики. Кн. 2-я // Цивилизационный процесс под углом ноосферного зренья: В 3 кн. Минск, 2002. С. 233–362.
- ³ *Андреев И.Л.* Истоки и виды энергии человеческого мозга // Энергия. 2010. № 11. С. 70–77; *Он же.* Происхождение человека и общества. – 2-е издание, переработанное и дополненное. М., 1988.
- ⁴ *Юдин Б.Г.* Об ответственном поведении исследователей // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4. М., 2010.
- ⁵ *Забелин И.М.* Человечество – для чего оно? М., 1970.
- ⁶ *Маклюэн М.Г.* Галактика Гуттенберга. Киев, 2001; *Спирин В.А., Попонов М.А.* Медиа-философия Маршалла Маклюэна. СПб., 2009.
- ⁷ *Бард А.* Зодерквист Я. **Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма.** СПб., 2004.
- ⁸ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- ⁹ *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

- ¹⁰ Брукинг Э. Интеллектуальный капитал. СПб., 2001.
- ¹¹ Андреев И.Л. Интеллектуальная рента эпохи информатизации // Вестн. РАН. 2004. № 5.
- ¹² Ульяновский Р.А. и др. Политические портреты борцов за национальную независимость. М., 1983. С. 306–318.
- ¹³ Андреев И.Л. Не стать бы Мухой во Всемирной Паутине // ФСБ: за и против. М., 2008. № 1.
- ¹⁴ Андреев И.Л. Там, где бессилён Интерпол // ФСБ: за и против. М., 2008. № 2.
- ¹⁵ Андреев И.Л. др. Словарь прикладной интернетологии // Компакт-диск. М., 2004.
- ¹⁶ Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. М.–СПб., 1998. С. 80–109.
- ¹⁷ Федотова В.Г. Плюсы и минусы модели «догоняющей» модернизации // Модернизация и национальная культура. М., 1995. С. 68; Иноземцев В.Л. Пределы догоняющего развития. М., 2000; Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 247–252: раздел «Коммунизм как незападный тип модернизации».
- ¹⁸ Андреев И.Л. Община и социальные процессы в освобождающейся Африке // Вопр. философии. 1965. № 8; I.L.Andreev. La comunidad y los procesos sociales en Africa que se libera // Cuba Socialista. Gavana, 1966. № 7(59). P. 94–114; Он же. Африка: социально-классовые сдвиги // Коммунист. 1982. № 18; Он же. Осторожно с «часами» Истории. Методологические проблемы цивилизационного процесса // Вопр. философии. 1998. № 9. С. 38–53; Он же. Африка на цивилизационном изломе // Вестн. РАН. 1999. № 1; Он же. Общение душ или агрегат индивидов? // Вестн. РАН. 2002. № 8. С. 710–729; Он же. Тамтам сзывает посвящённых. Философские проблемы этнопсихологии. М., 2008.
- ¹⁹ РБК daily: В Узбекистане опасаются начала SMS-революции. 15.03.2011.
- ²⁰ Тоффлер Э. Третья волна. М., 2004. С. 539.
- ²¹ Андреев А.И. Швейцарское товарищество по присяге: реликт прошлого или воспоминание о будущем? // Вестн. РАН. 2007. № 1. С. 84–89.